

Муниципальное образование город Сургут

Муниципальное бюджетное образовательное учреждение
гимназия имени Ф.К.Салманова

*Конкурс по родным языкам коренных малочисленных народов Севера,
истории и культуре Югры*

Номер источника 6

Тема: Суровое очарование Севера: взгляд сквозь время

Автор: Деева Софья Валентиновна
Класс (курс): 10Г

город Сургут, 2026

Введение

Стоит признать, что в нашей стране много замечательных художников. Но есть среди них особенные — те, кто нашел свою тему и уже не изменял ей до конца жизни. Владимир Игошев — как раз такой случай. Пока одни живописцы ехали на южные пленэры, к теплому морю и яркому солнцу, он свернул совсем в другую сторону. Туда, где снег лежит по восемь-девять месяцев в году, а морозы такие, что пар изо рта замерзает на лету. Его называют «певцом Севера», и это не громкие слова. Это судьба человека, который однажды увидел людей ханты и манси — и навсегда потерял покой. Он не просто изображал их на холсте, как делали многие этнографы до него. Он жил с ними. Спал на жестких нарах, жевал сырую оленину, учился управлять собаками и оленями. И поэтому его работы — не иллюстрации к учебнику географии. Это настоящая живописная летопись, где каждый мазок, каждая тень написаны с уважением и болью. Потому что Игошев понимал: тот мир, который он застал, уходит. И кто-то должен успеть записать его, пока не поздно. На одной из таких картин мы видим людей в традиционной зимней одежде — ягушках. Давайте попробуем разобраться, что именно хотел сказать художник и почему его картины до сих пор трогают сердца зрителей.

Глава 1. Как одна поездка изменила всё.

Невозможно понять картину, не зная истории самого художника. Тот самый день, тот самый поворот судьбы случился в 1954 году. Владимиру Игошеву было тогда чуть за двадцать. Он только что закончил знаменитый Суриковский институт, где учился писать правильно, красиво, «по-московски». И вот его отправляют в творческую поездку — в поселок Бурмантово. На карте этой точки почти не найдешь: затерялась где-то у западных склонов Уральского хребта, среди болот и лесов. Игошев потом, уже старым мастером,

часто вспоминал свои первые впечатления. Говорил, что чувствовал себя так, будто его перенесли в параллельный мир. Или будто он сел в машину времени и уехал на пару сотен лет назад. Время там текло совсем иначе: никто не спешил, не дергался, не смотрел на часы. Люди разговаривали негромко, с долгими паузами. А вокруг стояла такая тишина, что казалось — слышно, как падает каждая снежинка, как трещит от мороза кора на лиственницах. Что же его поразило сильнее всего? Наверное, сами люди. Мужчины-манси выглядели непривычно для городского глаза: они носили длинные волосы, заплетенные в косички, и в эти косы были вплетены яркие ленточки — красные, синие, желтые. Женщины казались загадочными: они носили красивые меховые шубы, украшенные бисером, но в присутствии старших родственников прятали лицо за платком или большим воротником. Это было не просто «странно» — это был другой этикет, другие правила жизни, о которых Игошев раньше не читал ни в одной книге. Но главное, что отличало Игошева от многих других приезжих художников, — он не стал держаться на расстоянии. Не стал делать быстрых набросков и уезжать, похлопывая себя по карману с этюдником. Нет. Он поступил иначе. Сел на нары в общей избе. Начал есть то же, что и они: строганину — свежемороженую сырую рыбу, оленину, которую резали прямо на столе, не варя и не жаря. Поначалу было трудно, желудок бунтовал, но он перетерпел, стиснул зубы и не подал виду. Потом научился управлять оленьей упряжкой — это вам не в метро проехать, там сноровка нужна и сила, и умение чувствовать животных. Местные заметили это. Увидели, что парень не ломается, не брезгует, слушает старших внимательно, запоминает. И тогда они прозвали его «белым шаманом». Для манси это высокая честь — так называют не всякого чужака, а только того, кто понял их мир изнутри. Вот почему картины Игошева такие правдивые. Он не гость, не турист с дорогим фотоаппаратом. Он свой. И когда спустя тридцать или сорок

лет он с горечью говорил в интервью, что уже не встретишь мужчину-манси с косичками, а ягушки сменили дешевые пуховики из города, — в его голосе слышалась настоящая боль художника, который успел застать живое, подлинное чудо и теперь видел, как оно уходит в песок.

Глава 2. Одежда, которая говорит громче слов.

Когда останавливаешься перед этой картиной, первое, что бросается в глаза, — это одежда. Тяжелые, добротные шубы, которые называются ягушками. Для нас, людей, выросших в городах, где зимой можно надеть пуховик и через двадцать минут зайти в теплое здание, это просто «какая-то теплая национальная одежда». Но для хантов и манси ягушка — это целый язык. Традиционная шуба была двойной: мехом внутрь и мехом наружу. В сорокоградусный мороз только такая конструкция и спасает. И поверх этого меха нашивали украшения — бисер, цветные лоскутки сукна, полосы меха другого оттенка. Получалась так называемая меховая мозаика. Причем у каждой семьи, у каждого рода были свои узоры. Если ты знал, как читать эти знаки, мог без слов понять, из какой местности человек, сколько у него детей, даже — есть ли у него погибшие родственники, потому что в орнамент иногда вплетали траурные знаки. Вглядимся в то, как Игошев пишет ягушки на своей картине. Он не ленится, не делает общих пятен. Он тщательно выписывает фактуру: вот длинная, чуть жестковатая шерсть оленя — она хорошо видна на плечах и рукавах. А вот мягкий, почти светящийся изнутри мех песца на воротнике — он кажется пушистым и невесомым, хотя на самом деле это один из самых теплых мехов в мире. Обратите внимание на руки: огромные рукавицы, сшитые из камуса. Камус — это мех, снятый с ног оленя. Он очень прочный, не вытирается, не скатывается, и при этом хорошо держит форму. В таких рукавицах можно и дрова колоть, и нарту править, и снег разгребать. Детей в этих тяжелых шубах видно сразу: они выглядят немного

неуклюже, плечи кажутся квадратными, движения стеснены. Но ни один ребенок на картине не пытается скинуть ягушку, не хнычет, что ему жарко или неудобно. Для них эта одежда — такая же естественная часть жизни, как для нас джинсы или свитер. С пеленок они привыкли, что на улице холодно и без шубы нельзя. Огромные платки, закрывающие лоб и щеки, — это тоже не прихоть, а проверенная веками защита от ветра, который на севере бывает страшнее самого мороза. Кажется, что вместе с этой одеждой на маленькие плечи ложится груз векового опыта. Все эти швы, все эти хитрости были придуманы не вчера и не позавчера, а десятками поколений, которые учились выживать там, где зима длится полгода. И в этом есть какая-то высокая, суровая красота: традиции предков, вшитые в каждую деталь костюма, охраняют детей даже тогда, когда родители далеко в тайге на охоте.

Глава 3. Краски северного мира: как цветом передать холод.

Стоит признать, что Игошев — большой мастер цвета. Но его палитра не кричит, не лезет в глаза, как у некоторых современных живописцев, которые используют кислотные тона. Наоборот, она сдержанная, даже аскетичная. Белый, охристый, коричневый, черный, немного синего и совсем капельку красного — вот примерно всё, из чего сложена эта картина. И в этом есть глубокий смысл, потому что именно так выглядит настоящая северная зима. Не праздничная, открыточная, где всё сияет и блестит под солнцем, а будничная, рабочая, когда небо свинцовое и снег кажется серым. Игошев пишет белый цвет удивительно разнообразно. Мех старой ягушки — это не чистый белый, а с желтизной, с сединой, как у старого, много послужившего зверя. А молочно-белый платок, которым укутано лицо ребенка, — совсем другого оттенка, мягкий, почти прозрачный. Художник как будто говорит нам: белый бывает разным, и каждый его

оттенок что-то значит. Но если постоять перед картиной подольше, начинаешь замечать и другие цвета. В глубоких складках ягушки прячется темно-синий, почти черный — это тени, которые лепят объем, не дают фигурам распадаться на плоские пятна. Лица героев написаны охрой — цветом промерзшей земли, с примесью розоватого там, где мороз прихватил щеки детей. И только изредка попадаются маленькие, как вспышки, яркие детали: красная полоска на подкладке, обрывок синей ленты в чьих-то волосах, цветочный орнамент на платке женщины. Эти цветочные пятна работают как огоньки в зимней ночи. Они напоминают: даже в самый лютый холод жизнь не останавливается, тепло сохраняется, пусть и спрятанное под несколькими слоями меха и сукна. Словом, цветовая гамма Игошева — это не просто набор «зимних» красок. Это попытка написать температуру воздуха, передать ощущение ветра и мороза, заставить зрителя почувствовать кожей, как щиплет нос и как приятно зарыться лицом в теплый, пахнущий дымом воротник.

Глава 4. Как построен кадр и о чем молчат глаза.

Игошева иногда, для краткости, называют «советским импрессионистом». Но в его портретах есть такая точность, такая скрупулезность в деталях, которая роднит его скорее со старыми русскими передвижниками — с Перовым, с Репиным в его лучших вещах. Стоит присмотреться к тому, как он строит композицию. Люди на его картинах всегда расположены очень близко к зрителю. Почти вплотную к нижнему краю холста. Нет никаких лишних предметов, которые отвлекали бы внимание, нет далеких планов с красивыми, но ненужными подробностями. Герои стоят или сидят тесной группой, жмутся друг к другу плечом к плечу. За их спинами — или размытое пятно бревенчатой стены, или белое марево заснеженного леса. Эта композиционная теснота создает ощущение маленького островка тепла

посреди безбрежного океана холода. Семья — или, может быть, просто несколько человек, оказавшихся рядом, — превращается в крепость, которая не пускает внутрь стужу и темноту. Но самое главное, конечно, — лица. Игошев умел писать лица так, что они запоминаются навсегда. Герои картины на переднем плане смотрят прямо на нас или чуть в сторону, туда, где, наверное, начинается тайга, где ходят звери и текут замерзшие реки. В этих глазах нет и следа той беспечной детской радости, которую мы привыкли видеть на картинах про «детство в деревне». Там другое. Там серьезность, какая бывает у людей, которые с ранних лет знают цену труду и холоду. Спокойная, внимательная наблюдательность. Природный ум, не замутненный телевизором и интернетом. Северные дети взрослеют рано — это факт. В три-четыре года они уже помогают по хозяйству, в семь-восемь умеют управлять нартами, различают следы зверей, знают, как вести себя, если заблудился в лесу. И Игошев это подметил очень точно. У него есть забавное воспоминание, которое он рассказывал в одном из интервью. Поначалу, когда он только появился в поселке, местные ребятишки его дичились. Прятались за углы домов, убегали, когда он доставал этюдник. А потом, увидев, что дядя из города не обижает, не прогоняет, начали привыкать. И в конце концов целыми ватагами прибегали к нему «рисоваться» — выстраивались в очередь и терпеливо ждали, пока художник перенесет их на бумагу. Игошеву удалось поймать на своих холстах тот короткий, драгоценный миг, когда ребенок уже не боится чужака, но еще не надевает ту самую маску вежливого безразличия, которую взрослые манси и ханты показывают посторонним людям. В этом взгляде — открытость и настороженность одновременно, доверие и готовность в любой момент отступить обратно в свой замкнутый мир. Можно сказать, что взгляд детей на картинах Игошева — это взгляд души, которая только начинает осознавать, что она часть огромного и опасного, но такого родного и

единственного мира. Мира, где нет поликлиник и супермаркетов, зато есть бесконечное небо, тяжелый снег и древние законы, которые никто не писал на бумаге, но которые знает каждый охотник.

Заключение

Что остается в душе после долгого, пристального взгляда на картины Владимира Игошева? Не только зрительная память о красивых пятнах и правильных линиях. Остается чувство волнения. Даже какой-то щемящей, негромкой грусти. Потому что через эти холсты к нам пробивается настоящая жизнь. Трудная, полная лишений, не упакованная в красивую обертку. Но при этом наполненная таким смыслом, которого мы, городские жители, задыхающиеся в своих бетонных коробках и бесконечных дедлайнах, часто даже не замечаем. В работах Игошева нет крикливого пафоса. Никто не стоит в героических позах, никто не смотрит вдаль с видом революционного вождя. Там просто люди. Просто дети, у которых игрушки — это не пластиковые роботы и не айфоны, а снег, ветки, камни и собаки, крутящиеся вокруг нарт. Просто женщины, которые долгими зимними вечерами при свете керосиновой лампы шьют удивительные шубы — ягушки. И вкладывают в каждый стежок, в каждую бисеринку не просто умение, а любовь, молитву и память о тех, кто шил такие же шубы сто и двести лет назад. Игошев подарил нам, потомкам, шанс увидеть этот мир — пока он не исчез окончательно, растворившись в болотах, новостройках и забвении. Мы можем поблагодарить художника за то, что он не побоялся холода. Не побоялся чужой, непривычной жизни. А наоборот — полюбил ее, сделал своей и подарил нам через свои полотна. Его главный урок, если подумать, очень простой, но от этого не менее ценный. Подлинная внутренняя свобода не продается в магазине и не скачивается из интернета. Она — в умении быть самим собой, где бы ты ни жил. В каменных джунглях

мегаполиса или в бескрайней тайге, где от ближайшего соседа сто километров. Игошев это понял. И мы, стоя перед его картинами, начинаем это чувствовать.

Список использованной литературы и источников:

1. Архивные материалы Государственного художественного музея Югры в Ханты-Мансийске, посвященные жизни и творчеству Владимира Александровича Игошева.
2. Юбилейная статья «Всюду жизнь», опубликованная к 100-летию художника на официальном сайте музея в 2021 году.
3. Описание этюда «Снегири», который впоследствии стал основой для известной картины «Снегири – дети севера» (информационный портал «Старина», архивные публикации разных лет).
4. Постоянная экспозиция «Северный путь» в Доме-музее народного художника СССР В. А. Игошева в Ханты-Мансийске (информация с портала ГАЛМР).
5. Презентация на тему «Жизнь и быт народов севера», размещенная на педагогическом портале Инфоурок, где подробно разбираются элементы традиционного костюма хантов и манси.
6. Статьи из свободной электронной энциклопедии РУВИКИ о следующих работах: «Пришли рисоваться», «Снегири. Этюд к картине "Снегири–дети севера"», «Задумалась». 7. Информационные выпуски и пресс-релизы информационного центра «Финноугория», освещавшие выставки в честь 100-летия Владимира Игошева (материалы 2016 и 2021 годов).
8. Статья «"Исконно русская" земля Сибирь (история и быт народов)» из электронной библиотеки Readli, где в том числе затрагиваются вопросы этнографии коренных народов Севера.
9. Воспоминания Владимира Игошева, цитируемые в различных искусствоведческих сборниках и каталогах выставок (обобщенные данные).